Советская культура 26.V.60

ЖАВОРОНОК ЗВОНКИЙ

«Жаворонок» Ж. Ануйя на сцене театра «Старая голубятня»

◇

«...Она вся в этой веселой песне маленького жаворонка, застывшего в небе, в солнечных лучах, в минуту, когда в него стреляют», — так поэтично говорит жестокий победитель Варвик о Жанне Д'Арк; так в едином образе выражает Жан Ануй и свой восторг перед героическим порывом, и свою безрадостную мысль о недостижимости идеалов.

Но вот жаворонок залетел в наше большое мирное небо и, конечно, здесь никто не станет стрелять в эту чудесную певунью. И нам даже кажется — жаворонка песнь звонче раздается. Ведь и для певчих птиц многое значит, какой под сводами резонанс.

Когда зрители-москвичи, обступив сцену, жарко аплодировали актерам театра «Вье коломбье», то герои Ануйя, рванувшись к авансцене, тоже с неменьшим пылом стали рукоплескать: и круг мгновенно замкнулся, круг дружбы, доверия и общей радости. Как жаль, что в этот миг нельзя было крикнуть: автора! И не для того, чтобы увенчать его заслуженными лаврами (говорят, он человек скромный и избегает шумных оваций), а для того, чтобы ввести его в этот «круг дружбы». И сказать: ваша Жанна Д'Арк в наш век—это не одинокая мечтательница и героиня, окруженная сонмом жестоких негодяев, эгоистов и тупых мещан; Жанна Д'Арк, эта девушка из народа, тип бесконечно нами любимый, желанный и близкий. Сказать: таких людей, готовых служить народному идеалу и даже умереть за идеал, на свете становится все больше и больше, имя им—легион, и победа будет только за ними.

Мы знаем цикл ваших пьес—и те, которые названы «черными», и те, что зовутся «розовые». Вчитываясь в эти пьесы, мы видели их трагическую противоречивость: страстно проводимую в них защиту человека и человечности и открытое признание неизбежной обреченности этой борьбы; мы слышали громкие голоса ваших героев, обличающих буржуазное общество и тут же неминуемо гибнущих, символизируя этой гибелью иллюзорность и недостижимость своих идеалов. Мы ценили ваш гуманизм, вашу веру в то, что человек по природе своей благороден, ваше видение социальной несправедливости, царящей в буржуазном обществе, но мы никогда не соглашались и не согласимся с вашими пессимистическими выводами, с вашим представлением о всеобщем характере духовного краха, с вашим отказом обнажать корни зла. Создав серию «черных» пьес, вы, писатель глубоко и искренне встревоженный за судьбы честных людей, приводите к губительной мысли о том, что чем выше идеал героя, чем требовательнее его поиск истины, тем более он одинок и беспомощен в борьбе со злом, тем неизбежнее крах, к которому он придет в финале пьесы. И вам это кажется закономерным, потому что вы не представляете себе ситуации, когда одному хорошему человеку помогает второй. Когда на помощь этим людям приходят сотни и тысячи таких же честных, смелых, отзывчивых людей, когда их ведет одна общая великая идея свободы и справедливости и они, сражаясь, падая, погибая, все же обязательно побеждают. Вы любите человека, Жан Ануй, но любовь ваша отдана **одинокому** человеку, когда же люди вместе, вам представляется, что они теряют свое человеческое достоинство, что каждый из них в отдельности становится мельче, ничтожнее, что человек в массе обретает не силу свою, а слабость. Вот роковой вывод вашей «черной» драматургии.

Но вот к нам залетел «Жаворонок», трагедия о народной героине, помещенная в цикл «розовых» пьес. Эту светлую краску породила великая и нетленная идея патриотизма, идея долга перед родиной. Тут драматург не знает и не ищет компромиссов; полагая, что вечного идеала не может осквернить современность, он не впускает в эту пьесу нот пессимизма и отчаяния, не боится предельного напряжения конфликта и завершает его лучезарным победным финалом — торжеством дела Жанны Д'Арк.

...Она перед нами, великая дочь Франции, крестьянка-подросток из деревни Домреми, живая, пылкая, деятельная, умная — такая, какой ее воссоздала на сцене Сюзанн Флон. И иной ей в нашем сознании уже не быть!

Спасибо актрисе, которая сумела, сохраняя всю доподлинную правду живого характера, выявить из натуры простой крестьянской девочки замечательные свойства народного типа, мы не побоимся сказать, самую искру его гения.

Огромная пустая гулкая сцена, перечерченная черными полосами столбов и перекладин; черные сутаны судей, воссевших на высокие скамьи, примолкнувшая толпа свидетелей, теснящаяся поодаль, и в центре пространства на маленькой табуретке подсудимая — худенькая девушка в мужском костюме, со спокойным лицом и большими, устремленными вперед ярко горящими глазами. Ей велят рассказать кратко свою жизнь. И Сюзанн Флон начинает. Так, будто это класс и Жанна толково и внятно отвечает учителю. Она говорит о том, что слышала «голоса» и видела святого Михаила, и сразу же становится очевидным, что актриса не допускает в роль ни малейшей мистической экзальтации. Жанна говорит в два голоса (рассказ незаметно становится действием) — девушка робко умоляет святого не возлагать на нее непосильного подвига. И тут же отвечает сильно и твердо — это святой настаивает от имени бога, так кажется самой Жанне. Но актриса говорит, и мы явственно слышим голос самой Жанны, голос ее мужества, решимости и долга.

За эту великую истину нужно неустанно бороться, ведь Жанна — Флон—самая обыкновенная девчонка, в ее характере нет ни суровой героичности, ни просветленной благости, а решила она... воодушевить войска и изгнать из родной Франции англичан. На Жанну, задыхаясь от гнева, набрасывается с кулаками отец (Жорж Ликан), ее молит мать (Мадлен Солонь), родители не допустят, чтобы дочь их стала «шлюхой», пошла к солдатам и надела штаны. И вот Жанна падает перед отцом на колени, рыдает на груди у матери, она в отчаянии молит ей верить, кричит, злится. И даже гоняется за увальнем братом и сбивает его с ног — это он ее выдал, сказав о «голосах».

Но вот она одна — у девушки лицо строгое, торжественное, голова высоко поднята, тело вытянулось струной, взор вспыхнул. Можно уже предугадать, что сейчас раздастся «голос», и Жанна с величайшей душевной сосредоточенностью и силой призывает себя к действию, ее пламенная вера в свою божественную миссию — это святое чувство долга.

С этого момента Сюзанн Флон с подлинным вдохновением растит и ширит натуру девушки. На наших глазах зреет блистательный человеческий талант — Жанна Д'Арк. Все в ней рождается само собой, без всякого расчета и пафоса, а лишь в силу полной захваченности патриотическим долгом, который требует всего человека, все силы его души, всю энергию, волю, ум, ловкость и обаяние. Одна за другой следуют превосходные сцены, когда Жанна раскрывает свою миссию сперва капитану Бодрикуру, а затем королю Карлу VII.

Сюзанн Флон с воякой и простофилей Бодрикуром (с большим обаянием вылепленный Клодом Ришаром) сама как бы становится маленьким Бодрикуром. Ведь капитану нужно внушить свои мысли так, чтобы он воспринял их как собственные и дал ей коня и эскорт. Но, идя на хитрости, Жанна у Флон ни на минуту не становилась плутовкой, за всеми ее действиями отчетливо ощущалась величайшая тревога за дело, которое легло на ее плечи. С этим все нарастающим чувством тревоги Жанна входила в дворцовый зал. Легкомысленный король запрятался в толпе придворных, чтобы испытать «праведницу», но Жанна, кажется, и не заметила этой глупой игры, — склонив колени перед Карлом, она взглянула на этого щуплого человечка с такой любовью, что слезы увлажнили глаза актрисы. Ведь в нем сейчас была заключена судьба Франции, и она его нежно любила. Жанна говорила с этим пустым человеком с великим терпением, убежденностью и верой в свои слова. Она называла короля на ты' и Шарлем и как старшая сестра неразумному брату внушала мысль за мыслью — о его великих предках, о его долге перед народом, о том, чтобы он одолел страх перед своими советниками... Жанна была уже пламенной, сильной и требовательной — это уже от имени всего народа вела она речь с королем.

И Карл, которого превосходно играет Мишель Буке, на наших глазах преображается. Нет, происходило не нравственное перерождение короля (показать это было бы очень наивно), король стал почти физически наливаться какой-то петушиной отвагой. И у актера это было вовсе не примитивное накачивание комического темперамента. Мишель Буке показывал, как его незадачливый герой действительно восчувствовал себя великим королем. Нахохлившись и растопырив перья, Карл был необычайно искренен в своей решимости. Но это воодушевление необходимо было использовать мгновенно, и Жанна громогласно уже призывала коннетабля и архиепископа. Король кричал, чтобы ей была вручена армия и чтобы ее благословили на подвиг. Кричал, и вместе со словами из его уст вырывались какие-то странные шипящие звуки — точно из мяча со свистом выходил воздух... Но гол был забит, дело сделано! И тут Жанна, упав на колени, сказала свое: «Благодарю!». Слова были обращены к небу, но сколько в них было света, радости и земного счастья. Воистину мы услышали веселую песню маленького жаворонка.

И его подстрелили!

...Церковный процесс приходил к концу. Борясь с остатками собственной совести, епископ Кошон (Марсель Андре) склонял Жанну к признанию своего лжепророчества. А инквизитор (Ролан Пьетри) грохотал словами ненависти и задыхался в исступленной злобе. Он видел в Жанне самого страшного врага католической церкви — свободного человека.

И теперь за этого **человека** уже страстно боролась Жанна. Каким подлинным лиризмом была проникнута сцена встречи с боевым товарищем Ла Иром (вторая роль Клода Ришара), этаким добрым верзилой. Как далекое и светлое воспоминание Жанны прошла эта сцена, когда они с Ла Иром говорили о счастливых днях битв и побед.

Сюзанн Флон в роли Жанны.
Фото М. ЧЕРНОВА.

И снова муки допроса — Жанна бледная, с плотно закрытыми глазами, измученная и усталая. Ее все же принудили остаться в живых и подписать отречение. Сюзанн Флон, кажется, ощущая личную муку, показывает эту духовную смерть своей героини, ее великое горе от разбитого собственной же рукой идеала. Жанна в оцепенении мертвенного покоя, она жива, но все, что возродилось в народе, все, что было связано с ее именем, теперь погибнет, погибнут доблесть, вера в победу, погибнет народ, Франция.

И торжествует Варвик (циничный, изящный, наглый, таким его превосходно рисует Жорж Декриер). Он пришел поздравить Жанну, она избежала смерти — это хорошо и для нее, и для Англии: в ответ на ее казнь могла бы снова вспыхнуть народная война. От этих слов Жанна вздрогнула всем телом, она вышла из оцепенения.

...Последовавшая сцена спектакля идет в театре в стремительных, бешеных ритмах. Как боевой клич, как радостная весть звучат ликующие слова Жанны — казнь, казнь, пусть ее казнят! В миг водружается эшафот, в миг наваливаются вязанки хвороста, поднимается палач, сбегается толпа. Жанна уже привязана к столбу, сейчас вспыхнет огонь. На лице Орлеанской девы счастливая, светлая улыбка, ее великая идея живет и будет жить вечно. И, конечно, не потому, что она короновала в Реймсе Карла VII (такой сценой завершается спектакль), а потому, что вечна сама идея преданности народа своей отчизне, вечен сам идеал борьбы и самопожертвования во благо народа.

В нашем представлении спектакль говорит именно об этом (его постановщики — автор пьесы и режиссер Ролан Пьетри). И обращен спектакль не к славному прошлому Франции, а полон современной молодой энергии, живого, горячего пыла.

Пусть звонче льется жаворонка песня — в нашем небе его никто не подстрелит!

Г. БОЯДЖИЕВ,
доктор искусствоведения.